

Елена АРСЕНЬЕВА
ЗИМНИЙ ЕДИНОРОГ

Елена Арсеньева
Зимний единорог

«Автор»

2019

Арсеньева Е. А.

Зимний единорог / Е. А. Арсеньева — «Автор», 2019

Однажды зимой встретился охотнику белый единорог, вокруг которого таял снег и травы оживали. Однако по его следу шла стая волков, и вожак уже готов был броситься на добычу. Охотник убил волка, но вся тайга ополчилась против него, ибо он нарушил равновесие жизни.

© Арсеньева Е. А., 2019

© Автор, 2019

Елена Арсеньева

Зимний единорог

*Медленно, медленно, медленно
Тянется чудное время...*

Н. Заболоцкий

Сначала пропала тень.

Сначала пропала тень, но прозрачный шар еще сиял над сугробами. Там вились царские кудри, кипела многоцветная купена, рдела румянка и звенели все разом лиловые колокольчики и бубенчики. Казалось, цветы стонут под гнетом собственной пышности. Распаленный их дыханием воздух трепетал, заставляя трепетать диковинное дерево, в кроне которого свили гнезда длиннохвостые папоротники, и звезды, золотые и серебряные звезды римской ромашки. А под деревом тянулся к розовой свече кипрея, вокруг которой обвилились пчелы, белый чудесный конь с витым, словно драгоценная раковина, острым рогом во лбу. Тот самый! Тот самый, бело-серебристый, будто ранний снег, тот самый, что сейчас проскакал по Кедровому распадку, легконогий, точно бежал во сне. Ворвавшись в ложбину, замедлил скок, оцепенел перед сверкающим шаром, в котором он – да, он же – резвился на траве, а по ней стелился дымок цветения...

Белый единорог словно забыл, что по его следу бегут, запаленно дыша, серые звери.

Они напоминали волков, но это были, конечно, не волки.

Еще третьего дня, когда Гервасий наткнулся на полурастерзанную тушу белого коня (то есть он так решил для себя: наверное, из Богородского отбилась белый жеребчик да и попал зверю в зубы), он подивился ярости, с какой было изорвано тело. Даже голова изломана клыками! Мороз и ветер обуглили кровь, и следы, схожие, пожалуй, с зимним следом рыси, слегка размазанные, вполонину крупнее летних, были почти заметны. Ведь в эту пору ветры с Джугджура часто прилетают на Сихотэ-Алинь, носятся наперегонки по долине Обимура, осыпая тайгу снежной колючей пылью. Обимур лежит в берегах оцепенелый, словно околдованный...

И все-таки Гервасий прочел следы. Хищник гнал белого коня через перевал, и в долине, после непонятного топтанья по снегу, настиг его в прыжке, оседлал, но был сразу сброшен, а конь, через несколько судорожных скоков, забился в кедрач и пал.

И теперь, вспоминая отпечатки некованных копыт, Гервасий вдруг подумал: а если и там был не конь, а единорог? Такой же, как этот, что бьет копытами по сугробам и в то же время резвится в цветах?

Полна диковинами обимурская тайга, но увидеть в ней сказочного единорога так же немислимо, как... дерево на Луне. Однако глаза охотника не лгут. А если единственный оставшийся в мире, последний единорог планеты появился на пороге смерти перед взором Гервасия?

Мороз перехватывал дыхание. Белый единорог все ближе подходил к цветущему шару, который медленно колыхался в воздухе, и чуть заметно подрагивала его тень на сугробах. Тихо светилось звездное небо. Гервасию почудилось, будто узор ночного полога сменился: вместо Большой Медведицы летели по небу одно за другим, словно в погоне, созвездия незнакомых очертаний!.. Гервасий мотнул головой, опустил взор к тайге.

По склону сопки к нему приближался зверь. Он был только похож, немного похож на рысь, но не вспарывал снег, волоча в прыжках лапы, а мчался так же легко, как единорог, не сминая сугробов, прихотливыми скачками, словно веселился в предчувствии удачи или заиг-

рывал с близкой, оцепенелой добычей. Следом спускались еще трое хищников, а на гребне маячила вся стая.

Гервасий почувствовал, что иней тает на его усах от жаркого дыхания. Ветер перебирал вершины деревьев, шуршал черными сморщенными ягодками элеутерококка, колебал светящийся шар и его тень, такую же синюю, густую, как тени кедров. А в нем... а в нем был белый единорог...

Гервасий взбросил зауэр.

– Гал-лар!.. Гал-лар-р-д-до!..

Непостижимый рык-стон – и зверь прынул в сторону, крутнулся так, что выметнул из-под снега вялые листья, и они веером разбросались по снегу. Гервасий заметил, что на выстрел тотчас явились сойки, протегивая небо суетливыми стежками.

Зверь опять рванулся, сел на задние лапы, и Гервасий вдруг ощутил, что у него самого подвело колени... но зверь, вихляясь, снова побежал к единорогу, а стая стояла недвижно на склоне. И все вдруг смолкло вокруг, и даже дыхания своего не слышал Гервасий.

Белый единорог повернул голову, повел прозрачным халцедоновым глазом. Гервасий еле справился со скачущей мушкой, и, когда снова ударил выстрел, ему почудилось, что он сам ткнул хищника стволом в бок.

Зверя швырнуло в сторону, он сразу лег и протянул лапы, но тут же взвизгнул, подпрыгнул, перекинулся – и боком, мучительно побежал, взывая:

– Гал-лар-р-до!..

Он сделал несколько неверных шагов, повалился и уже не поднялся.

Белый единорог неподвижно смотрел на Гервасия, светился рог над его тихими глазами. Сердце в груди Гервасия наконец-то дрогнуло, словно отозвалось дрожи морозного воздуха. Невнятно померещилось ему какое-то всеобщее страдание – тайги, природы, этих сумерек, которые налетели так неслышно и пали на снега... Звездный свет колот ему глаза и выбивал слезу. Она застыла, не скатившись с ресниц. И сквозь пелену Гервасий увидел, что стая уходит за перевал.

Белый единорог понуро побрел следом, нагнал хищников, но они его словно не заметили. А в перламутровом круге поник воинственный шпороцветник, белозор погас, словно блуждающий огонь на болоте, померкнул раkitник – золотой дождь. Цветущий морок исчез. Последнее, что видел Гервасий, были глаза и слезы травы.

Но сначала пропала тень.

...Гервасия вел четкий след на каменной осыпи. Камень был так гол и зол, что деревья сторонились его и даже многоглавый мох пятился. Но в узких следах, рядом с которыми осторожно ступал Гервасий, струилась северная линнея и нежилась камнеломка.

Он шел по следу и наконец добрался до поляны. Прохладное, нетронутое лицо той, что оставляла цветущие следы, качнулось на высоком стебле. Сонм дятлов, кукушек, сорок и синиц не шевельнулся ни единым перышком и, зажав в горле свои самоцветные песни, тихо проводил Гервасия глазами. Деревья кругом стояли замерев, закинув кроны и не отрывая от небес слепого колыхания ветвей, словно бы следили движение звезд...

И тут кашкара – пьяная трава ударила в голову Гервасию. Он затоптал, забил в ладоши, заорал дурным голосом, пустился в пляс – в скок – в крик!.. Вопль его оборвал лепестки, поверг во прах летучую красу бабочек они лежали, как брошенные при дороге цветы.

Гервасий поднял одну, встряхнул. Пыльца осыпалась с крылышка, и он увидел свое отражение в его мутно-перламутровой пластинке. Надул щеки и дунул! По крылышку пробежали трещинки, и лицо Гервасия расколосось в нем на четыре неровные уродливые личины. А в вышине все шумело и кричало, и Гервасий наконец-то смог открыть глаза и уставиться в мутное оконце.

Уже разгорались далекие и холодные небесные костры, хоровод планет рассыпался до следующей ночи с ее призраками. О, сколько ликов ночи видел Гервасий за свою жизнь – в сугробах, складках сопок, в глуби Обимура, подлунной выси и в своих снах! Сны были чуждые ему, чужие, словно сосланные в его душу, и каждый раз он просыпался с привкусом крови во рту и ощущением причиненного кому-то горя...

Гервасий сполз с нар, оделся и, кинув на плечи тулупчик, толкнул дверь зимовьюшки.

Тысячи тончайших игл вонзились в глаза. Мороз! Ну и мороз! И солнце не в силах пре-возмочь стужу.

Ночью вдруг, с мимолетной оттепелью, ударил дождь, а под утро воротилась разъяренная зима, и метель-заметюшка заскользила по остекленным сугробам, завилась вокруг льдистых стволов, силилась уцепиться-остановиться, да не смогла, скатилась по распадку на обимурский лед и усвистела вдаль. А над ледяным чертогом тайги, дробя тишину оглушительной музыкой, висел шумолет.

Гервасий запрокинул лицо к небу. Вроде и не вышел еще срок, совсем недавно завезли ему и продукт, и боевой припас. Хмыкнул: ну сколько он там ест! А патроны не тратит уже который десяток лет, уносит ящики в пещерку, вырытую в склоне сопки, ставит штабелем. Можно бы не корячиться, кидать пригоршнями порох, дробь и картечь в снег – тайга велика! – да боязно: а ну как взойдут по весне?

Тем временем грохот в вышине притихал: шумолет снижался. Неведомый горлопан заткнулся на ползувке, когда летательный аппарат коснулся снега, и Гервасий услышал, как под ним хрустнул наст.

Из кабины вывалились двое в полушубках и, взламывая морозное стекло, заспешили к зимовью. Одного Гервасий знал: он всегда доставлял припасы, вот и сейчас торил по-хозяйски тропу, волоча два баула. Это был пилот шумолета. Другой оказался хлипок, но боек, в курчавой, аккуратно ползущей по круглому лицу бороденке, которую мигом прихватил иней. На шее новичка болталась веревка с большой биркой. На бирке был его портретик.

Гость сунул свою бирку к самому лицу Гервасия и зачастил:

– Вас приветствует интерпрограмма «Монстры цивилизации»! Несколько слов для наших зрителей и слушателей.

Гервасий насупился, и непрошенный гость убрал бирку:

– Известно, что объединенное правительство утвердило ваше право на нерушимое одиночество. Я вас отвлеку лишь на те несколько минут, которые потребуются для разгрузки шумолета. Очередная передача программы «Монстры цивилизации» посвящена закоренелым долгожителям планеты. Мы уже побывали на плато Туюк-Су и в Новомосковской пустыне, где зарегистрированы случаи патологического долгожительства. Там мы встречались с вашими соседями по «Книге рекордов» Полунина: Протеусом Юрсусом и блаженным старцем Емилианом. Стандартный вопрос: боитесь ли вы смерти?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.